



ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ





Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) – выдающийся русский писатель, историк и публицист, который не ограничивался чисто рационалистическим объяснением исторических событий, но и в ряде случаев использовал так называемый прагматический взгляд на историю и историко-сравнительный метод, что поставило его произведения на уровень передовой науки того времени.

«История государства Российского» в 12 томах – это не только значительный исторический труд, но и произведение, ставшее крупным явлением в русской художественной прозе.

Н.М. КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ИСТОРИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К 21

Все права защищены. Ни одна из частей этой книги
не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Карамзин, Николай Михайлович

K21 История государства Российского / Н.М. Карамзин. — Москва :
Издательство АСТ, 2017. — 480 с.: ил. — (*Иллюстрированная история Рос-
сийской империи*).

ISBN 978-5-17-104722-1

«История государства Российского» – значительный исторический труд, произведе-
ние, ставшее крупным явлением в русской художественной прозе. Его автор, выдающийся
русский писатель, историк и публицист Николай Михайлович Карамзин (1766–1826).
В 1803 г. указом императора Александра I Карамзин был назначен на должность исто-
риографа и до конца своей жизни занимался написанием «Истории государства Россий-
ского», ставшей главным трудом в его жизни и целым явлением в русской истории.

Перед вами оригинальное, богато проиллюстрированное издание избранного из
«Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, охватывающее период от VI до на-
чала XVI века. Созданный в XIX веке, этот труд по-прежнему представляет интерес как
для специалистов, так и для широкого круга читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-17-104722-1

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017



ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССИИ

Всемиловитейший Государь!

С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству плод усердных, двенадцатилетних трудов. Не хвалясь ревностью и постоянством: ободренный Вами, мог ли я не иметь их?

В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я Вам, Государь, некоторые главы сей Истории — об ужасах Батыева нашествия, о подвиге героя Дмитрия Донского — в то время, когда густая туча бедствий висела над Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно минувшее с настоящим и не завидовали славным опасностям Дмитрия, ибо предвидели для Себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россиею — но мы спасены, прославлены; враг истреблен, Европа свободна, и глава Александрова сияет в лучезарном венце бессмертия. Государь! Если счастье Вашего добродетельного сердца равно Вашей славе, то Вы счастливее всех земнородных.

Новая эпоха наступила. Будущее известно единому Богу; но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем мира твердого, столь возжеленного для народов и венценосцев, которые хотят властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, наук, искусств гражданских, благосостояния государственного и частного. Победою устранив препятствия в сем истинно царском деле, даровав златую тишину нам и Европе, чего Вы, Государь, не совершите в крепости мужества, в течение жизни долговременной, обещаемой Вам и законом природы, и теплою молитвою подданных!

Бодрствуйте, монарх возлюбленный! Сердцеведец читает мысли, История предаст деяния великодушных царей и в самое отдаленное потомство вселяет любовь к их священной памяти. Примите милостиво книгу, служащую тому доказательством. История народа принадлежит Царю.

Всемиловитейший Государь!
Вашего Императорского Величества
верноподданный Николай Карамзин.
Декабря 8, 1815.



ПРЕДИСЛОВИЕ

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Правители, законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродни человеку и просвещенному, и дикому! На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены вере и деесписанию; омраченный густой сению невежества, народ с жадностью внимал сказаниям летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая история, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. Истинный космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить о нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть греки, римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками и немые предметы — красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.



Клио — муза истории

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, холодными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, различных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке Россия имеет своих диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостью и мужеством снискал господство над девятою* частью мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему географии, истории, и просветил Божественною верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого нерусского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей: ибо Греция и Рим были народными державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Ба-

* Примечания к предисловию и к статье «Об источниках российской истории до XVII века» см. на стр. 12—14.



А.С. Пушкин назвал Н.М. Карамзина «Колумбом российской истории». На самого Пушкина как на историка Карамзин оказал большое влияние. В исторических сочинениях, особенно в трагедии «Борис Годунов», Пушкин следовал версии Карамзина

тыева, восстание россиян при Донском, падение Новгорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время междоусобия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы Храбрые, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверской, столь знаменитый великодушною смертию; злополучный, истинно мужественный Александр Невский; герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государственование Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере не знаю монарха, достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов, достойный своего счастья и несчастья, странный Лжедмитрий и за сонмом доблестных патриотов, бояр и граждан наставник трона, первосвященник Филарет с державным сыном, светоносцем во тьме наших государственных бедствий, и царь

Алексей, мудрый отец императора, коего назвала Великим Европа. Или вся новая история должна безмолвствовать, или российская иметь право на внимание.

Знаю, что битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца; но история не роман, и мир не сад, где все



Традиции русской исторической науки были заложены В.Н. Татищевым, которого Карамзин часто цитирует

должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной картине и начать обстоятельное повествование с Иоаннова времени или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц вместо многих книг, трудных для автора, утомительных для читателя. Но сии обозрения, сии картины не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново «Введение в историю Карла V», тот еще

не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих — тогда знаем историю.

Обращаюсь к труду моему. Не позволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *истощая* материалы древнейшей российской истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники поэзии! Взор наш в созерцании великого пространства не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний; может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих восьми или девяти томов², могу по слабости желать хвалы и бояться осуждения; но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолубие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть сделать российскую историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого самодержавия и святой веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия... по крайней мере долго-долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

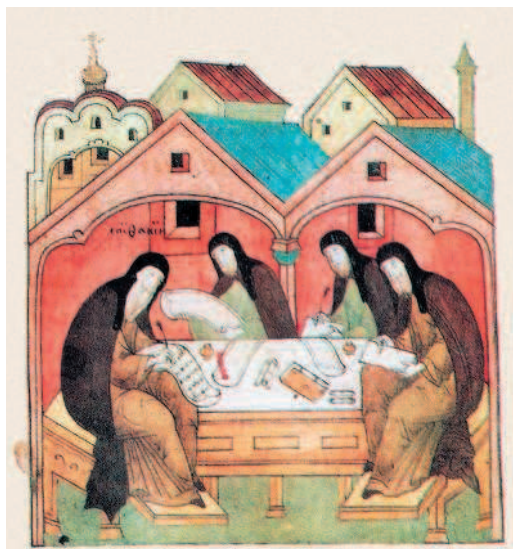


*Первыми историками России
были церковные летописцы*

Декабря 7, 1815

ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА

Сии источники суть:



Большинство летописцев остались безымянными. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

I. *Летописи*. Нестор, инок монастыря Киевопечерского, прозванный *отцом* российской истории, жил в XI веке³: одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказки; видел памятники, могилы князей; беседовал с вельможами, старцами киевскими, путешественниками, жителями иных областей российских; читал византийские хроники, записки церковные⁴ и сделался *первым* летописцем нашего отечества⁵. *Второй*, именем Василий, жил также в конце XI столетия: употребленный владимирским князем Давидом в переговорах с несчастным Васильком, описал нам великодушные последнего и другие современные деяния Юго-Западной России. Все иные летописцы остались для нас *безыменными*; можно только угадывать, где и когда они жили: например, один в Новгороде, иерей, посвященный епископом Нифонтом в 1144 году; другой во Владимире-на-Клязьме при Всеволоде Великом; третий в Киеве, современник Рюрика II; чет-

вертый в Волынии около 1290 года; пятый тогда же во Пскове⁶. К сожалению, они не сказывали всего, что бывает любопытно для потомства; но, к счастью, не вымышляли, и достовернейшие из летописцев иноземных согласны с ними. — Сия почти непрерывная цепь хроник идет до государственования Алексея Михайловича⁷. Некоторые донныне еще не изданы или напечатаны весьма неисправно⁸. Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и продолжателей его суть харатейные, *Пушкинский* и *Троицкий*, XIV и XV веков⁹. Достойны также замечания *Ипатьевский*, *Хлебниковский*, *Кёнигсбергский*, *Ростовский*, *Воскресенский*, *Львовский*, *Архивский*¹⁰. В каждом из них есть нечто особенное и действительно историческое, внесенное, как надобно думать, современниками или по их запискам. *Никоновский* более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, но



Карамзин внимательно изучал русские летописи и сличал их между собой, как этого требует источниковедение. Миниатюра с изображением похода князя Владимира из Радзивилловской летописи, к. XV в. (у Карамзина — *Кёнигсбергский список*)

в XIV веке сообщает вероятные дополнительные известия о Тверском княжении; далее уже сходствует с другими, уступая им однако ж в исправности, — например, *Архивскому*.

II. *Степенная книга*¹¹, сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены *степени*, или поколения государей.

III. Так называемые *Хронографы*, или «Всеобщая история по византийским летописям», с внесением и нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже много подробных *современных* известий, которых нет в летописях¹².

IV. *Жития святых*, в Патерике, в Прологах, в Минеях, в особенных рукописях.

Многие из сих биографий сочинены в новейшие времена; некоторые, однако ж, например, Св. Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в харатейных Прологах; а Патерик сочинен в XIII веке¹³.

V. *Особенные дееписания*: например, сказания о Довмонте Псковском, Александре Невском; современные записки Курбского и Палицына; известия о Псковской осаде в 1581 году, о митрополите Филиппе и пр.

VI. *Разряды*, или распределение воевод и полков: начинаются со времен Иоанна III. Сии рукописные книги не редки.

VII. *Родословная книга*: есть печатная; исправнейшая и полнейшая, написанная в 1660 году, хранится в Синодальной библиотеке.

VIII. Письменные *Каталоги митрополитов и епископов*. — Сии два источника не весьма достоверны; надобно их сверять с летописями.

IX. *Послания святителей* к князьям, духовенству и мирянам; важнейшее из оных есть послание к Шемяке; но и в других находится много достопамятного¹⁴.

X. *Древние монеты, медали, надписи*¹⁵, *сказки, песни, пословицы*: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный.

XI. *Грамоты*. Древнейшая из подлинных написана около 1125 года. Архивские новгородские грамоты и *Душевные записи* князей начинаются с XIII века; сей источник уже богат, но еще гораздо богатейший есть.

XII. Собрание так называемых *Статейных списков*, или Посольских дел, и грамот в Архиве Иностранной коллегии с XV века, когда и происшествия и способы для их описания дают читателю право требовать уже большей удовлетворительности от историка. — К сей нашей собственности присовокупляются.

XIII. *Иностранные современные летописи*: византийские, скандинавские, немецкие, венгерские, польские, вместе с известиями путешественников.

XIV. *Государственные бумаги иностранных архивов*: всего более пользовался я выписками из Кёнигсбергского.

Вот материалы истории и предмет исторической критики!



Как источник Карамзин использовал и жития святых и другую духовную литературу. Миниатюра из «Лицевого жития Сергия Радонежского», XVI в.



ПРИМЕЧАНИЯ К ПРЕДИСЛОВИЮ И К СТАТЬЕ «ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА»

¹ Седьмою. — Поправка историографа на собственном его экземпляре «Истории государства Российского».

² Том IX издан не прежде 1821 года. Впоследствии, как известно, вышли еще при жизни историографа, в 1824 году, тома X и XI, а по смерти его том XII. — *Прим. издателя 1842 г.*

³ В разных списках Нестора (*Пушкинском, Кёнигсбергском*) находятся слова: «к нему же (Феодосию) и аз приидох худый, и прият мя, лет ми сущу семнатцати от роженя моего». Игумен Феодосий скончался в 1014 году: итак, летописец наш родился около 1050 года. — В заглавии *Хлебниковского* списка (см. ниже) поставлено имя Нестора; в других автор назван просто черноризцем Феодосиева монастыря Печерского. Житие Нестора в печатном Патерике есть новейшее сочинение: его нет в древнем рукописном.

⁴ Вероятно, что по запискам церковным Нестор означал *дни* преставления некоторых древних князей.

⁵ Мы должны упомянуть о *мнимом древнейшем летописце* Иоакиме, первом новгородском епископе, приехавшем в Россию с царевною Анною, супругою Св. Владимира. Татищев рассказывает следующее: «Архимандрит Мельхиседек доставил ему как любителю древностей три тетради, полученные им от монаха Вениамина и выписанные из старой книги, с которою Вениамин сам ехал к Татищеву, но умер дорогою. В тетрадях написано, что Нестор худо знал происшествия новгородские, гораздо лучше известные Иоакиму; что Славен, внук Иафетов, по сказанию сего епископа, основал город Славянск в России; что после господствовал там князь Ванда, коего родственниками были князья Гардорик и Гунгар, завоеватели многих стран; что сыновья Вандаловы назывались Избор, Столпосвят и Владимир, женатый на Адвинде; что от Владимира произошел Буригой, отец Гостомысла, который изгнал варягов из России и построил Выборг; что Рюрик ему внук, Ольга Прекраса также родственница; что Святослав мучил христиан; что Св. Владимир крестился не в Херсоне, а в Болгарии; что его сыновья Борис и Глеб родились от царевны Анны, не греческой (изъясняет Татищев), а болгарской», и пр. См. его *Рос. Истории*, т. I, стр. 29—51.

Сию *шутку* многие приняли за истину и начали с важностию говорить о *летописце* Иоакиме. Но слова Татищева: *Вениамин монах токмо для закрытия вымышлен* (стр. 42), доказывают, что здесь дело идет о *вымыслах*. Басня о князьях Славене, Изборе и

прочих давно известна. Другие мнимые Иоакимовы сказания явно принадлежат той же категории. Слог их есть новый. Иоаким в X веке мог ли написать: *Святослав имел три сына, им же тако области раздели — Ярополк, известяся о сем, печален бысть — победиша не силою, ни храбростию, но предательством — мы же* (Иоаким в Новгороде) *ходихом по торжищем и улицам, и учахом; но гиблющим в нечестии слово крестное явися безумием и обманом*, и пр. Всего решительнее следующее замечание: доказано ли, что Анна, супруга Владимира, была греческая царевна, родная сестра императоров Василия и Константина? Без сомнения: не только Нестор, не только современные немецкие, арабские, но и византийские летописцы единогласно то утверждают. Как же Иоаким, приехавший с Анною в Россию, мог считать ее княжною болгарскою? Видим причину сего вымысла: не зная, что Кедрин и Зонара именуют Владимира зятем своих императоров; не зная ни Дитмара, ни Эль-Макина, Татищев сомневался в истине Несторова повествования и хотел исправить мнимую его ошибку, говоря: *сие ко изъяснению древности и Несторова темного сказания много служит, доколе полнейшая тех времен история сыскаться может* (см. Татищев. *Рос. Истории*, т. I, стр. 51). Повторяю, что он не мыслил обманывать: это затейливая, хотя и неудачная догадка.

⁶ Подробный *Псковский летописец*, доньше не изданный, начинается около 1303 года; а древнейшие в нем известия взяты из Нестора и Новгородской летописи. У меня были четыре списка сей важной хроники: один Архивский Н.Н. Бантыша-Каменского, другой Архивский А.Ф. Малиновского, третий Синодальный, четвертый графа Ф.А. Толстого. Первый из библиотеки стольника Василья Никифоровича Собакина, коего отец в 1648 году был воеводою псковским; писан дьячком Андреем Козою и доходит до 1650 года. Другие три гораздо старше сего времени, и заключают в себе некоторые особенные известия.

⁷ Два перерыва заметнее иных: в княжение Василия Димитриевича и в царствование Иоанна IV Грозного: чему, как надобно думать, виною была смерть двух московских современных летописцев.

⁸ Например, Нестор по *Кёнигсбергскому* списку. Исправнее всех напечатана Новгородская летопись в Москве с харатейного Синодального списка, а в Петербурге с бумажного старого в *Продолжении Древней Рос. Вивлиофики*. Второй список идет далее; в нем именует себя *поп Иван*, без сомнения не автор, а переписчик: ибо тут же в харатейном Синодальном и теми же словами говорит о себе *пономарь Тимофей*. — *Особенные* сказания сей летописи начинаются со времен Ярослава Великого; предыдущее взято из Нестора. — Новгородские известия простираются в краткой летописи, отданной в Архив Иностр. коллегии А.Ф. Малиновским, до самого 1570 года.

⁹ Первый поднесен императору графом А.И. Мусиным-Пушкиным; второй найден мною в библиотеке Троицкой лавры, отдан после *Обществу Истории и Древностей* и сгорел в нашествие французов.

¹⁰ В 1809 году, осматривая древние рукописи покойного Петра Кирилловича Хлебникова, нашел я два сокровища в одной книге: *летописи Киевскую*, известную единственно Татищеву, и *Волынскую*, прежде никому неизвестную. Через несколько месяцев достал я и другой список их: принадлежав некогда Ипатьевскому монастырю, он скрывался в библиотеке С.-Петербургской Академии наук между дефектами. Хлебниковский список должен быть XV или XVI, Ипатьевский XIV века; оба начинаются Нестором. — Список *Кёнигсбергский*, завоеванный россиянами в 1760 году, не старше XVI века. — *Ростов-*

ский, зарученный св. Димитрием, содержит в себе любопытные прибавления, писан в XVII веке, идет до времен Петра Великого и хранится в Архиве Иностр. коллегии. — Так называемый *Воскресенский* (напечатанный) есть Софийский Новгородский список Нестора и продолжателей его; в нем немало важных *древних* прибавлений: о старейшине Гостомысле, о варягах киевских, о характере первых князей. — *Львовский*, изданный в С.-Петербурге в 1792 году в V томах под именем *Летописца Русского*, замечателен некоторыми особенными известиями о государствовании Иоанна III. — *Архивским* (в библиотеке Архива Иностр. коллегии) назвал я список XVII века, подобный Никоновскому, весьма исправный, от времен Василия Димитриевича до 1560 года. — Многие и ныне думают, что патриарх Никон составлял *Никоновскую летопись*: она только принадлежала ему, отдана им в библиотеку Воскресенского монастыря и надписана его рукою: вот для чего назвали ее сим именем. — Я говорю здесь о главных, лучших, по крайней мере известнейших списках: их находится, может быть, около тысячи в России, сверх многих сокращений, писанных обыкновенно в четверть листа. Екатерина Великая, страстно любя нашу историю, первая указала печатать летописи. Издержали немало денег, но не сделали нужнейшего: исправного ученого *свода* летописей. Какая нужда печатать одно в двадцати книгах? Не благоразумнее ли взять за основание лучший, древнейший список и только означить важные отмены, прибавления других? В десяти больших томах мы поместили бы все летописи от XI до XVII века с включением и Новгородской, Псковской, Киевской, Волынской. Имеем еще *летописцев Архангельского, Двинского, Нижегородского, Соловецкого, Устюжского, Вятского*; последние два еще не изданы; каждый из них содержит в себе материалы для историка.

¹¹ Татищев сказал несправедливо, что митрополиты Киприан и Макарий сочиняли ее: автор именно говорит (в печатн. стр. 76), что Макарий велел ему описать житие Св. Владимира, и пр. Киприановых сочинений там два: житие Петра митрополита и слово прощальное (см. стр. 558). — Многие *новейшие* сокращения летописей также расположены по *степеням государей* до самого царя Алексея.

¹² Доныне еще не издано ни одного хронографа; они разных сочинителей, и тем любопытнее.

¹³ Симоном и Поликарпом. Списки Прологов имеем XIV и XIII веков. Минея писана в XVI [веке], а исправлена в XVII. Митрополит Макарий собирал для нее жития российских святых, сокращенные после св. Димитрием Ростовским. Макариева Минея хранится в Синодальной библиотеке.

¹⁴ Любопытны послания древних митрополитов, Иоанна и Никифора, епископа Нифонта и многих святителей XIII, XIV и XV веков, найденные мною в Патриаршей или Синодальной библиотеке.

¹⁵ К сожалению, на древних гробах нет надписей или они вырезаны уже в новейшие времена; зато в харатейных Евангелиях, Апостолах и других церковных книгах встречаются подписи исторические; например: «писано при таком-то князе и в таких-то обстоятельствах государства».



